

Цзюньсяо едва заметно скривил губы, указал на Юй Сяня и сказал:

— Хотя это моя собственная тайная сфера, Учитель часто бывает здесь с проверками. Иногда его навещает Шифу и младший брат. Хотя они в лесу и могут устроиться, но две комнаты для ночлега удобнее.

Услышав слово «лес», Юй Сянь с раздражением взглянул на этого неблагодарного внука-ученика.

— У тебя есть младший брат? — Не то ли это было вчерашнее озарение улучшило настроение, не то ли после многолетних бессонниц он наконец-то крепко выспался, но Бай Кэ сегодня проявил живой интерес к прошлой жизни Цзюньсяо:

— В вашем училище только вы двое?

Цзюньсяо на мгновение замер, затем, опустив глаза, на мгновение задумался и кивнул:

— У Учителя в своё время было три прямых ученика. Кроме меня и младшего брата, была ещё младшая сестра.

— А они... — Бай Кэ не знал почему, но когда Цзюньсяо заговорил об этом, в его разлилось тепло, будто в глубине души что-то отозвалось.

— Они... — Взгляд Цзюньсяо как бы невзначай скользил по Бай Кэ, затем упал на окно.

Тонкие листья облачного бамбука наслаивались друг на друга, полузакрывая заднее окно. Сцена была поразительно похожа на ту, что открывалась из окна бокового зала Дворца Юньфу, где они жили когда-то.

— У каждого из них своя жизнь, — спокойно произнёс Цзюньсяо.

Бай Кэ почувствовал, что сам становишься всё более странным. После этих слов его сердце вдруг тяжело ударило, словно он бессознательно с замиранием ждал какого-то ответа, и когда ответ прозвучал, сердце резко вернулось на место.

На самом деле, если бы только Цзюньсяо один признал в нём своего прежнего Учителя, Бай Кэ бы решил, что этот человек, вероятно, сошёл с ума на пути культивации, у него помутнился рассудок, и спустя тысячу лет он принял кого-то другого за него.

Но когда Юй Сянь тоже вступил в дело и при первой же встрече назвал его «скучным учеником», Бай Кэ уже подсознательно засомневался.

Один человек, возможно, и сошёл с ума, но если двое так считают, неужели они оба одновременно потеряли рассудок?

К тому же его иногда накрывали странные эмоциональные перепады, а некоторые ситуации казались пугающе знакомыми. Всё это заставляло его всё больше склоняться к тому, чтобы поверить словам Цзюньсяо и Юй Сяня.

Но верить — это одно, а принять — совсем другое.

Ведь даже если он и правда был тем человеком, о котором они говорили, то это было в прошлой жизни. События тысячелетней давности, должно быть, давно канули в Лету вместе с той чашей супа из рук Бабушки Мэн у моста Найхэ. Где ему их вспомнить? Поэтому он

продолжал притворяться, что абсолютно ни во что не верит.

Однако с тех пор, как вчера он вернулся от «Ледяной Души» и по-настоящему выспался, он перестал мучиться сомнениями. Если это так, то так, если нет — то нет. Пусть всё идёт своим чередом. Он не будет намеренно копаться в том, что с ним произошло, но и впредь избегать этого не станет.

Как только он решил относиться к этому с таким настроем, то чувство неловкости, которое он испытывал раньше при общении с этими двумя великими мастерами, исчезло без следа.

Хотя это не прошло совершенно бесследно. Например, сейчас, услышав, как Цзюньсяо упоминает своего младшего брата и сестру, Бай Кэ почувствовал сильный душевный подъём.

Даже после того как сердце «ухнуло» и вернулось в привычный ритм, он всё ещё ощущал лёгкий трепет.

Он, вероятно, выразил это чувство на лице, и Цзюньсяо с Юй Сянем тут же это заметили. Юй Сянь кашлянул и шумно произнёс:

— А, кстати, говорят, тебя вчера заманил глава Врат Хэнтянь в их проклятый пруд Саньцин. Ну как, всё в порядке?

Цзюньсяо добавил пояснение:

— Вчера у нас внезапно возникли срочные дела, которые нужно было срочно решить. Я заметил, что Арахис, похоже, тоже не покидал тайную сферу прошлой ночью, значит, ты его не вызывал. Как ты? Не столкнулся ни с чем неприятным?

— Эх, — махнул рукой Юй Сянь. — Хотя Врата Хэнтянь и не добро, но в каждой школе есть один-два священных пруда. Обычно их используют либо для очищения от мирской пыли при вступлении, либо для помощи в практике и бодрости духа. О пруде Саньцин Врат Хэнтянь я слышал несколько раз. Говорят, там духовная сила чрезвычайно обильна, что приносит большую пользу ученикам секты. Наверняка ничего серьёзного не было. Раз глава сказал такие слова, вряд ли он собирался тебя обманывать. Его уровень культивации слишком далёк от твоего, и ему незачем специально следить за тобой или строить козни. Боюсь только, что какая-нибудь мелкая рыбёшка под его началом самовольно попытается поставить тебе палки в колёса.

Бай Кэ:

— ... Сказать правду будет похоже на пощёчину самому себе.

Но не сказать правду... Он считал, что у него нет сил справиться с этими вещами в одиночку. Терпеть — значит проявить невежество и искать себе смерти.

Поэтому он решил пойти компромиссным путём и выделил несколько главных моментов:

— Неплохо.

Юй Сянь и Цзюньсяо кивнули.

— Но в начале меня там сильно помучили, я чуть не погиб там.

Рука Юй Сяня, поглаживавшая бороду, дернулась, и он чуть не выдернул весь клочок волос.

Цзюньсяо резко схватил Бай Кэ за запястье.

— Но меня вовремя спасли.

Юй Сянь облегчённо вздохнул, но Цзюньсяо не разжал руку. Он собрался что-то спросить, но Бай Кэ снова швырнул бомбу:

— Тот, кто меня спас, выглядит точь-в-точь как ты.

Юй Сянь всё-таки вырвал пучок бороды и с болью вскрикнул:

— Ой-ёй! Сьссть!

Цзюньсяо ещё сильнее сжал руку Бай Кэ:

— Точно-в-точь как я?

— Да, — кивнул Бай Кэ. — Я думал, что это ты отделил часть сознания, чтобы спасти меня, но потом спросил его, это ли он, и он отрицал.

— Точно-в-точь как я... Неужели... — пробормотал Юй Сянь, обменявшись с Цзюньсяо взглядом, в котором читалось лёгкое догадка.

— О, и ещё, тот пруд Саньцин вовсе не священный источник воды, а гигантский кусок чего-то, похожего на нефрит или лёд, который светится, а когда подходишь ближе, всё тело холодеет.

Юй Сянь, до этого сидевший и вертевший в руках чашку, резко встал, с силой поставил её на стол. Выражение его лица было таким возбуждённым, словно ему вкололи адреналин. Он вытянул шею и закричал на Цзюньсяо:

— Я так и знал! Я знал, что это он унёс! Только не думал, что он спрятал это в Вратах Хэнтянь. Видимо, он приложил все силы и наложил запретное заклятие, иначе невозможно, чтобы мы искали это так много лет безрезультатно.

— Перед прудом Саньцин есть ворота, и на них действительно наложено запретное заклятие, — добавил Бай Кэ, с недоумением глядя на Цзюньсяо. — Раньше, внизу, у здания Врат Хэнтянь, ты так легко снял запретное заклятие, наложенное совместно их главой и старейшинами. Почему же вы не можете найти запретное заклятие на пруду Саньцин? Не можете снять его?

Хо Цзюньсяо покачал головой:

— Запретное заклятие внизу, у здания Врат Хэнтянь, было наложено всего лишь их главой и старейшинами. Я, естественно, могу ходить туда и обратно, не испытывая ограничений. Но запретное заклятие на пруду Саньцин — другое дело.

— Кто наложил то запретное заклятие? — Бай Кэ слегка удивился. — Даже вы не можете его сломать?

Сказать по правде, Цзюньсяо и Юй Сянь были самыми глубокими и непостижимыми среди известных ему людей даосского пути. Хотя он и знал, что его познания ограничены, но судя по тем более или менее достоверным или сомнительным записям, которые видел Линь Цзе, даже если расширить кругозор на весь мир культивации, они определённо считались бы мастерами высшего уровня.

Если даже они не могут справиться с человеком, то каков же его уровень?

— Тот человек изначально специализировался на запретных заклятиях. И в наложении, и в снятии запретов он превосходит меня... Если бы это было раньше... — Цзюньсяо говорил, говорил, но вдруг остановился, словно проглотил слова, а затем продолжил:

— Возможно, я и Шифу Соляная Рыба могли бы его сломать, но сейчас...

Он горько усмехнулся и покачал головой.

— Но раз эта вещь заперта запретом в одном углу, и мы не можем его сломать, то и другие, естественно, не могут. Пока только никто не использует эту штуку, чтобы поднять бурю, пусть пока там и остаётся, — вздохнул Юй Сянь, в его голосе звучало настроение «раз уж разбили горшок, то ладно».

— Угу, — Цзюньсяо повернулся к Бай Кэ. — Только впредь в час крысы (полночь) тебе не стоит туда ходить.

Бай Кэ впервые почувствовал себя перепуганным перепелом, глупо стоящим здесь и слушающим длинный ряд слов Юй Сяня и Хо Цзюньсяо, от которых у него в голове образовалась густая пелена.

Чем больше они говорили, тем больше вопросов возникало в голове у Бай Кэ.

<http://bllate.org/book/16844/1550001>